

ПИСЬМА

ИЗЪ

ЗАУРАЛЬСКОЙ

СТЕПИ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ БАХМЕТЕВА.
1862.

sp32-1

Одобрено ценсурой Москва 31-го Августа 1862 года.
(Изъ газеты „День“ № 35.)

ПИСЬМА ИЗЪ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ.

III.

Въ предшествующемъ письмѣ разъяснивъ отношенія, существовавшія у Кайсаковъ между ханами и народомъ, я сказалъ, что всѣ желанія каждаго хана стремились къ тому, во-первыхъ, чтобы прибрать по-возможности къ рукамъ вольнолюбивыхъ подданныхъ своихъ, и къ тому, во-вторыхъ, чтобы ханское достоинство утвердить наследственно въ своемъ потомствѣ. помимо другихъ родственниковъ Чингисидовъ; что для достиженія цѣлей ханы готовы были на всякія средства.

Это обнаружилось немедленно, какъ только посланцы Абуль-Хапровы, отправленные имъ въ 1730 году въ Петербургъ, съ предложеніемъ подданства, возвратились въ Степь въ сопровожденіи переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ Татарскаго Мурзы Тевкелева и нѣсколькихъ при немъ дворянъ и казаковъ Русскихъ, коимъ поручено было привести новыхъ подданныхъ къ надлежащей при-

сягъ. Оказалось, что ханъ Абуль-Хаиръ предложилъ подданство подвластныхъ ему Кайсаковъ, вовсе не испросивъ, какъ бы слѣдовало по народнымъ обычаямъ, ихъ на то согласія, и рѣшившись на эту мѣру лишь по совѣщаніи съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ. Узнавъ о предложеніи, сдѣланномъ ханомъ, и зачѣмъ пріѣхали къ нему Русскіе, Кайсаки раздражились до такой степени, что едва не убили и Тевкелева съ его свитою, и самого Абуль-Хаира. Но гнѣвъ у единоплеменниковъ моихъ какъ быстро всцыхиваетъ, такъ же быстро и утухаетъ. Когда первый пылъ негодованія прошелъ безвредно для хана и Тевкелева, послѣдній, отличавшійся, по словамъ Рычкова, перваго исторіографа Оренбургскаго края, необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, пустилъ въ ходъ свое ораторское искусство съ такимъ успѣхомъ, что чевники заслушались сладкихъ рѣчей его. Это и до сихъ поръ характерическая черта моихъ единоплеменниковъ: во всякомъ совѣщаніи побѣда остается на сторонѣ краснобаевъ. Но одного краснорѣчія все-таки было бы недостаточно, чтобы склонить Кайсаковъ въ пользу темы, на которую ораторствовалъ Тевкелевъ—выгодъ принятія ими Русскаго подданства. Какъ необходимое условіе убѣдительности пущены были имъ въ ходъ подарки — оружіе, противу котораго не въ силахъ устоять азійская душа. Не принять предлагаемаго подарка, извѣстно, обидишь человѣка, а принявши нельзя же не порадоваться подарившему: поступать

иначе, значило бы показать себя неблагодарнымъ, подлецомъ. Подарки розданы были съ умѣньемъ, кому слѣдовало, то есть людямъ самымъ вліятельнымъ и наиболѣе противившимся Русскому подданству. Это, да еще то, что пребываніе Русскихъ въ Стени надоѣло нетерпѣливымъ кочевникамъ, не жаловавшимъ такихъ гостей, имѣло послѣдствіемъ, что народное собраніе, необходимое для окончательнаго рѣшенія вопроса, состоялось наконецъ, и всѣ присутствовавшіе въ собраніи, въ томъ числѣ не только Абуль-Хаиръ, но и ханъ бѣльшей части Средней орды Шемяка, присягнули на подданство Русскимъ государямъ, конечно съ пониманіемъ присяги и въ видахъ, которые объяснены мною въ предшествовавшемъ письмѣ.

Что это было такъ, а не иначе, свидѣтельствуется происшествіями, послѣдовавшими тотчасъ за торжественною присягою. Не успѣлъ еще Тевкелевъ донести въ Петербургъ объ этомъ событіи, какъ Кайсаки Средней орды и во главѣ ихъ, самъ ханъ Шемяка ознаменовали вступленіе свое подъ защиту Россіи, двумя, неудачными впрочемъ, вторженіями въ ея предѣлы, а въ Младшей ордѣ, Тевкелева, собравшагося въ обратный путь, задержали, и вмѣстѣ съ Абуль-Хаиромъ заставили откочевать по-далѣе отъ Русскихъ предѣловъ, къ устью Сыръ-Дарьи. Но Абуль-Хаиръ и Тевкелевъ продолжали дѣйствовать въ принятомъ направленіи, и наконецъ склонили большинство народа, т. е. вліятельныхъ лицъ, къ согласію на новое,

многочисленнѣйшее перваго, посольство ко двору Императрицы Анны. Видимую цѣлью этого посольства, состоявшаго изъ сына Абуль-Хаирова, Ирали и нѣсколькихъ другихъ почетныхъ въ Степи лицъ, было торжественное изъявленіе покорности отъ лица всего подвластнаго Абуль-Хаиру народа; а настоящею — желаніе получить отъ Русскаго правительства обычные въ такихъ случаяхъ, богатые подарки: это, какъ со стороны лицъ, участвовавшихъ въ посольствѣ, такъ и самого хана; да, сверхъ того, послѣдній разсчитывалъ, что можно, надувая Русскихъ разными неисполнимыми обѣщаніями, выпросить, въ замѣнъ ихъ, то, что соответствовало личнымъ его цѣлямъ. Тевкелевъ не могъ служить ему помѣхою въ этомъ, хотя какъ азіятецъ и человекъ, близко знакомый съ Кайсацкимъ бытомъ, отлично зналъ всю несостоятельность ханскихъ обѣщаній: собственные интересы Тевкелева требовали представить Русскому правительству совершенный имъ трудный подвигъ склоненія Кайсаковъ къ подданству и принятіе ими и ханомъ присяги на оное — какъ дѣло серьезное и богатое дѣйствительно-полезными для Имперіи послѣдствіями. Такъ на него и посмотрѣли въ Петербургѣ. Торжественно представленный Императрицѣ въ Февралѣ 1734 года, Ирали, отъ имени отца своего, обязался: 1) охранять безопасность Русскихъ границъ, смежныхъ съ землями его орды; 2) защищать Русскіе купеческіе караваны при проходѣ ихъ черезъ Киргизскія Степи далѣе въ Среднюю

Азію; 3) давать изъ подвластныхъ своихъ, въ случаѣ нужды, подобно Башкирамъ и Калмыкамъ, вспомогательное войско, и 4) платить дань звѣриными шкурами. Въ замѣнъ этихъ обязательствъ, Абуль-Хаиръ просилъ особенно: 1) утвердить въ его родѣ ханское достоинство на вѣчныя времена, и 2) построить, при впаденіи р. Ори въ р. Ураль, городъ съ крѣпостію, въ которой-бы могъ онъ находить себѣ убѣжище въ случаѣ опасности. — Последняя просьба казалось бы свидѣтельствовала, какъ не прочна была власть Абуль-Хаира надъ Кайсаками, и какъ мало средствъ имѣлъ онъ исполнить на дѣлѣ вышеизложенныя обязательства. Въ исполнимость ихъ съ его стороны повѣрили въ Петербургѣ тѣмъ не менѣе, а потому согласились и на его просьбы, какъ не заключавшія въ себѣ ничего противнаго пользамъ Россіи. Пользамъ этимъ въ просьбахъ Абуль-Хаира дѣйствительно ничего противнаго не было; но, выторговывая у Русскаго правительства, цѣною независимости Кайсаковъ, что было ему самому нужно, выговорилъ - ли онъ — спрашивается — что-нибудь, хотя для виду, и въ пользу подвластныхъ ему ордынцевъ. Ровно ничего. Не ясно-ли же, что Абуль-Хаиръ, обращаясь съ просьбою о принятіи Кайсаковъ въ подданство Россіи, движимъ былъ единственно личными своими и династическими интересами?

До сихъ поръ, впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ имѣли мѣсто лишь переговоры и обѣщанія, то есть

только слова и слова; до дѣла еще не доходило. Что же вышло на дѣлѣ?

Построеніе крѣпости при впаденіи р. Ори въ Уралъ, въ исполненіе желанія Абуль-Хаирова, равно какъ и осуществленіе собственныхъ видовъ правительства относительно упроченія власти надъ Кайсаками. и дальнѣйшихъ финансовыхъ, торговыхъ и политическихъ предпріятій, возложено было на извѣстнаго въ то время государственными свѣдѣніями и способностями статскаго совѣтника Кирилова. Въ инструкціи, ему данной, предписывалось, между прочимъ:

1. Возвести городъ съ крѣпостію при устьѣ р. Ори. стараться о привлеченіи жителей въ оный, а ханамъ Кайсачымъ, если пожелаютъ имѣть дома для житья или пріѣзда, построить таковыя подъ городомъ, по ихъ обычаю, при чемъ не отказывать и въ построеніи мечетей.

2. Границею со стороны Россіи назначить р. Уралъ, и смотрѣть, чтобы никто изъ Кайсаковъ на правый берегъ ея самовольно не переходилъ; удерживать же народъ этотъ въ повиновеніи, смотря по обстоятельствамъ, милостями и подарками, или строгостію и страхомъ.

3. Для разбирательства пограничныхъ дѣлъ учредить судъ изъ Русскихъ чиновниковъ и значительнѣйшихъ Кайсаковъ, съ тѣмъ, чтобы каждый судился въ немъ по обычаямъ своей земли.

4. Отправить, при первомъ удобномъ случаѣ, караванъ съ товарами въ Бухарію, и, если можно,

далѣе. Равнымъ образомъ стараться привлечь въ Россію для торговли купцовъ изъ разныхъ мѣстъ Азіи.

5. Въ каждомъ караванѣ отправлять геодезистовъ, для осмотра и съемки мѣстъ.

6. Стараться о заведеніи на Аральскомъ морѣ пристани и вооруженныхъ судовъ, для чего построить сначала нѣсколько шлюпокъ на Уралѣ, и, разобравъ ихъ, держать, со всѣми снастями, во всегдашней готовности. Когда же городъ при устьѣ Ори построится, и связи съ Кайсаками и Каракалпаками утвердятся, то разобранныя суда въ зимнее время перевезти на Аральское море, и тамъ, собравъ опять, вооружить пушками.

7. Абуль-Ханру, въ войнѣ его противъ Хивинцевъ, дѣлать пособіе только порохомъ и оружіемъ, но войскъ вспомогательныхъ не давать.

Инструкція эта показываетъ, что какъ поразмыслили о подданствѣ Кайсаковъ, нашли, что оно не очень надежно, и рѣшили, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть до времени скорѣе какъ на союзниковъ, нежели на дѣйствительныхъ подданныхъ, къ дѣйствительному подданству стараться привести ихъ постепенно. Потому и границею Имперіи назначили р. Уралъ, по сю сторону которой находились не Киргизскія, а Башкирскія кочевья. Съ признаніемъ подданства Кайсаковъ за дѣйствительное присоединеніе ихъ къ Имперіи, слѣдовало-бы границею ея со стороны Средней-Азіи назначить не Уралъ, а низовья Сыръ-

Дарья, сѣверовосточный берегъ Аральскаго моря и сѣверозападную окраину Усть-Уртскаго плоскогорья, такъ какъ до этихъ собственно предѣловъ простирались отъ Урала на югъ кочевья Кайсаковъ Меньшой орды.

Для осуществленія предположеннаго инструкціею, Кириловъ снабженъ былъ достаточною властію и всеѣмъ нужнымъ: артиллеріею, войсками, инженерами, геодезистами, моряками, горными и другими чиновниками. Какъ далеко простиралась заботливость правительства въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ того, что къ экспедиціи Кириловской прикомандированы были ботаникъ, живописецъ, и, для описанія подвиговъ ея въ память потомству— даже «исторіографъ». Но Кирилову удалось исполнить лишь весьма немногое. Выѣхавъ изъ Петербурга въ Іюнѣ 1734 года, въ слѣдующемъ 1735-мъ, заложилъ онъ, на мѣстѣ нынѣшней Орской станицы, городъ, названный имъ, по тогдашней модѣ, Гибридскимъ именемъ Оренбурга, и затѣмъ внизъ отсюда по Уралу положилъ начало линіи укрѣпленныхъ поселеній, которыя получили громкій титулъ «крѣпостей». Что такое были эти «крѣпости», читатели знаютъ изъ «*Капитанской Дочки*» Пушкина. Неожиданнымъ препятствіемъ къ осуществленію видовъ Правительства, относительно Кайсаковъ, явился Башкиры, коренные обитатели горъ и скатовъ, простирающихся отъ Уральскаго хребта къ Волгѣ и Камѣ. Давнишніе присяжники Россіи, но, такъ же какъ и Кайсаки, почти на

словахъ только, Башкиры не могли видѣть равнодушно оцѣпеніе вольной дотолѣ страны ихъ линіею Русскихъ укрѣпленій по р. Уралу, возмутились и стали мѣшать возведенію этихъ укрѣпленій, нападая на транспорты и отряды Русскіе, двигавшіеся отъ Волги и Камы, съ такимъ ожесточеніемъ, что выдавались минуты, когда можно было отчаяваться въ успѣхѣ Русскаго водворенія на среднемъ и верхнемъ теченіи Урала. Усмиреніе этихъ возмущеній и продолженіе военной колонизаціи по Уралу заняло почти все вниманіе не только Кирилова, но и преемника его въ управленіи Заволжьемъ, извѣстнаго историка Татищева.

Какъ-же вели себя тѣмъ временемъ присяжники Россіи, Кайсаки? Пользуясь безпокойствами, возникшими у волжскихъ Калмыковъ, также считавшихся Русскими подданными, они три года сряду (1736—1738) разоряли ихъ, угоня скоть и полоня людей; въ послѣдній изъ этихъ набѣговъ, вмѣстѣ съ Калмыками захвачено было и много Русскихъ. Самъ же Абуль-Хаиръ, пользуясь даннымъ ему позволеніемъ дѣйствовать противу непокорныхъ Россіи Башкировъ, грабительствовалъ въ землѣ ихъ цѣлые два мѣсяца, нисколько не отличая правыхъ отъ виноватыхъ, такъ-что наконецъ надо было распорядиться объ удаленіи его оттуда. Не смотря на это, въ 1738 году, пріѣхавъ на свиданіе съ Татищевымъ въ Оренбургъ, онъ принятъ былъ съ большими почестями и осыпанъ подарками. Продолжая разыгрывать въ глазахъ Рус-

екаго начальства прежнюю роль самовластнаго владыки Кайсаковъ, онъ общалъ, при этомъ случаѣ, собрать и доставить въ Россію всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, находившихся какъ въ Кайсацкихъ ордахъ, такъ и въ сосѣдственныхъ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ. вмѣсто того, Кайсаки, которымъ онъ даже и заикнуться не смѣлъ о подобномъ общаніи, въ слѣдующемъ 1739 году, почти на самой границѣ Русской, разграбили два кунеческіе каравана, вышедшіе изъ Оренбурга, а потомъ, въ 1740 году, когда бѣжалъ за Уралъ главный Башкирскій бунтовщикъ Карасакаль, ханъ и султаны Кайсацкіе рѣшительно отказались ловить бѣглеца и его приверженцевъ. Въ такомъ же родѣ было и дальнѣйшее поведеніе Абуль-Хаира и подвластныхъ ему въ отношеніи къ Россіи. Пріѣзжая въ Оренбургъ въ сопровожденіи большаго числа приверженцевъ, онъ и сыновья его были принимаемы съ почетомъ, угощаемы, одаряемы; въ замѣнъ этого повторяли присягу въ вѣрности и обязывались разными общаніями, исполнять которыхъ не могли да и не хотѣли; но какъ ни была обманчива покорность ихъ Россіи, до 1743 года ни сами они, ни подвластные ихъ не осмѣливались, по крайней мѣрѣ, дѣлать явныхъ вторженій въ Русскіе предѣлы; въ этомъ-же году, получа отказъ въ принятіи аманомъ побочнаго сына его Чингиса, вмѣсто законнаго Ходжи-Ахмета, Абуль-Хаиръ озлобился до такой степени, что самъ сталъ возбуждать своихъ Кайсаковъ къ нападеніямъ на Русскую границу.

Вслѣдствіе этого, толпы ихъ въ 1000, въ 2000 человѣкъ вторгались въ малочисленныя, едва основанныя селенія Русскія и увлекали съ собою за Уралъ все, что не могло спастись отъ нихъ или быть ими истреблено; подъ Илецкимъ Городкомъ въ одинъ день плѣнено было болѣе 80 человѣкъ. Въ довершеніе коварства, виновникъ сихъ злодѣйствъ, которыя самъ онъ считалъ впрочемъ достохвальными подвигами, не переставалъ увѣрять письменно въ своей преданности Россіи, и повторять, что все нападенія производимы были ослушными ему Кайсаками; но въ слѣдующемъ 1744 году сбросилъ онъ и эту личину: сначала открыто разграбилъ караванъ, шедшій изъ Астрахани въ Хиву, а потомъ задержалъ поручика Гладышева, отправленнаго изъ Оренбурга къ Каракалпакамъ, и отнялъ имущество и императорскую грамоту у возвращавшихся изъ Петербурга посланцевъ этого народа. Таковы же были подвиги Абуль-Хаира на пользу Россіи до самаго конца его жизни въ 1748 году. Въ такихъ же обманчивыхъ отношеніяхъ зависимости находилась и Средняя орда. По смерти Шемяки управлялась она султанами Абуль-Магметомъ и Аблаемъ, которые, по приглашенію Татищева, пріѣзжали въ Оренбургъ и приняли здѣсь, въ 1740 году, вмѣстѣ со 128 старшинами, присягу на подданство Россіи; но, располагаясь въ сосѣдствѣ съ сильнымъ тогда властителемъ Джунгаровъ, Галданъ-Церышемъ, Кайсаки Средней орды принуждены были вскорѣ затѣмъ признать надъ

собою верховную власть сего послѣдняго. Это не помѣшало, однакоже, Абуль-Магмету, въ 1742 году, по поводу восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, присягнуть опять на вѣрность Россіи. Въ то же время призналъ себя впервые подданнымъ Русскимъ, разсчитывая, разумѣется, на выгоды отъ того для себя одного, и властвовавшій надъ значительною частію Средней орды султанъ Баракъ; посланцы его осыпаны были въ Петербургъ милостями и подарками, а когда, для принятія присяги, позвали въ Оренбургъ его самого, высокоумѣнный потомокъ Чингиса обидѣлся, и прогналъ прѣхавшаго къ нему съ этимъ извѣстіемъ Русскаго чиновника, не допустивъ его даже до себя. Черезъ нѣсколько времени гордецъ этотъ принужденъ былъ однакоже смириться передъ Галдань-Церынемъ, и отослать къ нему, въ залогъ вѣрности, собственнаго сына своего. Старшая орда Кайсаковъ во все это время находилась въ полной зависимости отъ Джунгаровъ, и даже платила имъ дань.

Такимъ образомъ, въ первыя пятнадцать лѣтъ подданства Кайсаковъ Россіи, Россія ровно ничего отъ этого не выиграла, и правительство не только не достигло ни одной изъ цѣлей, для которыхъ подданство это, надѣяясь, должно было служить средствомъ, но даже ни на шагъ не подвинулось къ ихъ осуществленію. Устройство линіи по р. Уралу и отъ Урала къ Волгѣ стоило государству большихъ жертвъ, и деньгами, и людьми, между

тѣмъ, какъ свидѣтельствуяють приведенные факты, не содѣйствовало къ упроченію власти надъ Кайсаками и весьма мало обезпечивало За-волжье отъ ихъ грабительскихъ вторженій. Линія эта сослужила свою службу, и хорошую службу, но совершенно не ту, которая предполагалась: она обезпечила владычество имперіи надъ Башкирією, возможность Русской колонизаціи въ этой странѣ, и пользованіе рудными ея богатствами. Кайсаки-же, не смотря на линію, оставались послѣ подданства своего столь-же независимы, какъ и прежде были: вступали, не спрашиваясь Россіи, въ связи союза и присяжничества съ другими государствами, столь-же мало, какъ и до того, повиновались ханамъ своимъ и султанамъ, такъ же грабили проходившіе степью караваны или брали съ нихъ тягостный окупъ, такъ же безнаказанно разоряли Русскія селенія, похищая изъ нихъ скоть и увлекая въ неволю жителей. такъ же дрались и рѣзались между собою по разнымъ поводамъ, какъ и встарь. При всемъ этомъ, ханы, султаны и вліятельнѣйшіе изъ Кайсаковъ угощались безпрестанно на счетъ Русскаго правительства, обогащались отъ него подарками, и не разъ подданствомъ своимъ Россіи защищались съ успѣхомъ отъ властолюбивыхъ притязаній Джунгаровъ, или смягчали месть ихъ за свои разбои въ ихъ кочевьяхъ.

Причина такого явленія въ томъ, что Кайсаки, имѣя нужду въ Русскихъ, старались изучить ихъ, старались разгадать и пенять

слабыя стороны ихъ политики, и, понявъ, пользовались ими, а тогдашнее правительство, для котораго Кайсацкія и вообще Средне-азиатскія дѣла стояли, въ интересахъ его, на самомъ заднемъ планѣ, мало заботилось о томъ, чтобы вдуматься основательно въ предметъ, и разъ вступивъ на ложный путь, продолжало уже идти по немъ рутинно, въ увѣренности, что оно все таки перехитритъ Кайсаковъ: ну, а перехитритъ азіятца — затѣя несбыточная. Пересилить его весьма немудрено, но подъ неперемѣннымъ условіемъ — не лукавить, а дѣйствовать прямо и рѣшительно. Капитальною ошибкою Русской политики въ отношеніи къ Кайсакамъ было убѣжденіе, что успѣха въ дѣлахъ съ ними можно достигнуть кротостію, снисхожденіемъ, уступчивостію, подарками и ласками. Подарки — средство, конечно, дѣйствительное, но которымъ надо умѣть владѣть, употребляя его во время, къ мѣсту, и платя лишь за существенныя услуги, такъ чтобы видѣли, что даромъ ничего отъ васъ не получишь; при неумѣнн-же распоряжаться этимъ средствомъ, употребленіемъ его можно страшно повредить своимъ интересамъ. Алчный къ корысти, азіятець на многое готовъ изъ-за нея, но тотчасъ же разглядитъ, что вы за человекъ, и если замѣнитъ, что отъ васъ можно щечиться даромъ, сдѣлается требователемъ, ненасытенъ, и чѣмъ болѣе станете вы удовлетворять его требовательности, тѣмъ менѣе сочтетъ себя обязаннымъ служить вамъ. Неискуснымъ, неразборчивымъ со-

ренъемъ подарковъ наживешь себѣ между азiятцами скорѣе враговъ, нежели друзей, внушишь неуваженіе къ себѣ и совершенно испортишь свои дѣла; Русская-же власть, и въ Петербургѣ, и въ Оренбургѣ, раздавала Кайсакамъ подарки не за покорность, а за клятвы въ ней, не за услуги, а за обѣщанія, не за дѣло, а за слова; результатомъ и выходило, что на клятвы, обѣщанія и изъявленія преданности Кайсаки были щедры до расточительности, а на исполненіе обѣщаннаго — скупы до скаредности: къ чему работать на господина, который довольствуется усердіемъ на словахъ, изъ котораго можно тянуть деньгѹ языкомъ? Ясно кажется. Почетъ, оказанный лицу, заслуживающему почета, человѣку съ вѣсомъ и вліяніемъ, равно какъ и ласковое обращеніе съ простолюдиномъ—средства тоже хорошія: Кайсакъ тщеславенъ, любитъ, чтобы его чествовали, если считаетъ себя лицомъ значительнымъ, и вообще цѣнитъ вниманіе отъ высшаго; но разборчивость, осмотрительность и всегдашнее сохраненіе собственного достоинства необходимы въ обращеніи съ нимъ еще болѣе, нежели расчетливость въ подаркахъ. Чтобы вниманіе, вами оказываемое, имѣло цѣну и эффектъ, надо чтобы имъ дорожили; расточая-же почетъ и ласки зря, вы какъ-разъ понизите курсъ на нихъ, и разовьете въ тѣхъ, кому ихъ оказываете, чванство и неуваженіе къ вашей особѣ, граничащее съ презрѣніемъ. Зная это, нельзя, право, удержать себя отъ чувства досады на безтактность Русскаго начальства,

когда читаешь въ «Оренбургской исторіи» Рычкова, съ какими парадами и фейерверками принимали прѣзжавшихъ въ Оренбургъ степныхъ тузовъ. Татищевъ. Урусовъ. Нешлюевъ и другіе начальники Оренбургскаго края; какъ дозволяли они ломаться, важничать и хвастать этимъ тузамъ; какъ выслушивали ихъ наглую ложь, не смѣя обличить въ ней, и думали пріобрѣсть такимъ обращеніемъ, расположеніе и приверженность ихъ. И добро-бы принимаемы были и чествуемы люди, дѣйствительно оказавшіе услуги правительству; тогда бы имѣло это смыслъ и приносило относительную пользу; а то, почетъ и угощенія сыпались на ордынцевъ, которые явно и нахально обманывали правительство. Послѣдствіемъ такой политики, унижительной для Русскаго достоинства было, разумѣется, совершенное неуваженіе ордынцевъ къ Русскимъ властямъ: «глупы Русскіе: служи имъ, вреди имъ, они ничего не разбираютъ, и почетъ у нихъ одинаковъ, что другу, что недругу: такъ зачѣмъ-же служить имъ?» думали ордынцы; и по мѣрѣ возможности старались соблюдать исключительно свои выгоды, ни малѣйше не заботясь, объ обязанностяхъ присяжничества Россіи. Что-же касается до кротости, снисхожденія, уступчивости, то — *вудабльде!* — все это добродѣтели христіанскія, совершенно-непонятныя для язычника и тѣмъ болѣе для магометанина. Человѣкъ судить о другихъ по себѣ самому; я смотрю на вещи такъ, должно быть и другіе смотрятъ на нихъ какъ я; я-бы въ извѣст-

ныхъ обстоятельствахъ поступилъ такимъ образомъ: такимъ-же образомъ поступать въ тѣхъ же обстоятельствахъ и другіе. «Были-бы у меня въ рукахъ власть и сила», думаетъ азіятець, «я согнулъ-бы въ бараній рогъ всякого противника, всякого слушника, ни кому-бы не позволилъ потѣшаться надо мною, обманывать меня безнаказанно: стало-быть, кто допускаетъ другихъ оскорблять себя, обманывать, и не мститъ, не наказываетъ за это, тотъ не имѣетъ ни власти, ни силы.» Вслѣдствіе такого пониманія вещей, всякая мягкость и кротость въ дѣйствіяхъ считается у азіятца безхарактерностію, а на снисходительность и уступчивость не можетъ онъ смотрѣть иначе, какъ на несомнѣнные признаки слабости и безсилія. Уважая силу, къ слабости питаетъ онъ презрѣніе. Подите-же, втолкуйте ему послѣ этого, что если онъ за проступки свои не наказывается вами, такъ это изъ снисхожденія къ его невѣжеству или другимъ обличающимъ вину обстоятельствамъ, и что онъ долженъ быть благодаренъ за снисхожденіе, ему оказываемое. «Какъ-бы не такъ»,—разсуждаетъ онъ про себя: «ненаказываешь, значитъ не можешь наказать, не смѣешь; могъ-бы да смѣлъ, такъ наказалъ-бы; нѣтъ, другъ, не надуешь, не за что мнѣ быть тебѣ благодарнымъ, комолая ты корова, и ничего больше». Цѣлыя тысячелѣтія царствуетъ въ азіятскихъ головахъ такая логика, и много еще вѣковъ пройдетъ прежде, чѣмъ соприкосновеніе съ Европейцами въ состояніи будетъ измѣнить эту логику, если только когда-

либо состоится подобное чудо; политикамъ и администраторамъ, имѣющимъ дѣла съ азіятцами, не худо бы проникнуться сознаниемъ этой истины до мозга костей, и не пытаться невозможнаго, не мечтать, что кротостию и снисхожденіемъ можно умягчить, смирить и привлечь къ себѣ этихъ варваровъ; пробовали это многіе, люди умные и способные, и всѣ опыты постоянно оканчивались совершеннѣйшею неудачею: кротость и снисходительность въ отношеніи къ азіятцамъ постоянно внушали имъ, вмѣсто раскаянія и признательности, одно чувство презрѣнія къ людямъ мягкаго и уступчиваго образа дѣйствій. Уважаетъ, и крѣпко уважаетъ азіятець — не снисходительность, христіанскаго значенія которой онъ и понять не въ состояніи, а справедливость, строгую справедливость. Хотите заслужить уваженія азіятца, заставить его повиноваться себѣ, будьте прежде всего справедливы и строги. Снисходительность къ виновному представляется въ глазахъ его несправедливостию въ отношеніи къ правому, потому онъ и не цѣнитъ ее, не любитъ. Я самъ, Мендали-Пираліевъ, не смотря на Русское воспитаніе мое, чувствую еще себя на столько азіятцемъ что совершенно раздѣляю этотъ взглядъ, и считаю его весьма разумнымъ. Виновать — накажите меня: заслуженное наказаніе меня не унижить; но пожалуста не оскорбляйте меня вашею снисходительностию: она унижительно для меня, позорна; да и кто далъ вамъ право быть снисходительнымъ ко мнѣ? Понятно вамъ

теперь, читатель, что не уважая снисходительности, считая ее за выражение безсилія, Кайсаки не могли проникаться уваженіемъ къ Русской администраціи, видя что она безнаказанно допускаетъ не только обманывать себя, но и наносить положительный вредъ своимъ подданнымъ; понятно, что долготерпѣніе и уступчивость Русскихъ въ отношеніи къ Кайсакамъ только утверждали послѣднихъ въ убѣжденіи, что правительство безсильно наказать ихъ, и тѣмъ вызывали дикарей на новые подвиги разбоя и грабежа: «бѣзсильно, ну такъ нечего смотрѣть на него, валяй въ хвостъ и въ гриву, тѣшь душиньку во всю ширь-доль волю молодецкую».

И такъ, снисходительностію, уступчивостію, подарками безъ толку и угощеніемъ безъ разбора не могло Оренбургское начальство достигнуть какого либо успѣха въ дѣлахъ съ Кайсаками. Между тѣмъ эта ложная система дѣйствій переходила отъ одного начальника края къ другому, какъ бы наследственно. Неужели же никто таки не замѣчалъ ея непригодности, ежедневно обнаруживавшейся на дѣлѣ? Или, быть можетъ, начальство бы и не прочь было перейти отъ долготерпѣнія къ мѣрамъ взысканія, да дѣйствительно, какъ могли думать Кайсаки, не имѣло силъ къ наказанію виновныхъ? Нѣтъ. Наказаніе Абуль-Хаиру и вѣроломнымъ подвластнымъ его готовилось со стороны правительства нѣсколько разъ и весьма лѣгко могло быть осуществлено, но грозу отклоняли то одни, то

другія обстоятельства и соображенія, по мнѣнію нашему, большею частію нисколько не уважительныя. Вникая въ дѣло глубже, видишь, что правители Оренбургскіе не рѣшались наказывать Кайсаковъ за вины ихъ потому, главнѣйшее, что опасались раздражить ихъ наказаніемъ. «Ну, какъ озлобятся, да и присягать перестанутъ: вѣдь позоръ будетъ на весь міръ, что не умѣли удержать въ подданствѣ людей, добровольно подчинившихся? Впрочемъ, это бы еще куда ни шло, а что подумаютъ о нашихъ способностяхъ и умѣньи въ Петербургѣ, гдѣ не знаютъ близко въ чемъ дѣло, и обвинять безъ суда? Нѣтъ, ужъ пусть лучше ведутъ себя Кайсаки врагами, да по наружности будетъ все обстоять благополучно». Но опасеніе «раздражить» было совершенно напрасно, и происходило, какъ и другія ошибки тогдашней Русской администраціи, изъ недостаточности знаній ея объ Азій и азійцахъ, изъ того, что дѣйствовала она не чувствуя подъ собою твердой почвы, даваемой увѣренностію въ знаніи того, за что берешься. Справедливымъ наказаніемъ азійца не раздражишь, а только образумишь, если онъ зазнался; потачкою же и поблажкою, напротивъ, заставишь его совершенно забыться. Джунгары не церемонились съ Кайсаками, увлекавшимися въ ихъ кочевья страстію къ грабежу, отплачивали имъ за разореніе разореніемъ съ лихою, и однако же ханы и султаны Киргизскіе не переставали отъ того лезть къ нимъ въ присяжники, и лезли тѣмъ съ большимъ уни-

чиженіемъ, чѣмъ чувствительнѣе былъ урокъ, данный Джунгарами. Примѣръ этотъ былъ передъ глазами у Русскихъ администраторовъ, такъ чего же опасались они «раздражить?». Или Европейцамъ неприлично дѣйствовать, какъ азіятцы, и лучше ужъ во вредъ себѣ, да по-своему, по-Европейски? Нѣтъ. Такъ могутъ думать прогрессисты нашего времени, а въ XVIII столѣтіи подобныя идеи не имѣли ходу на Руси. По нашему крайнему разумѣнію, не слѣдовала Россія, въ отношеніи къ Кайсакамъ, примѣру Джунгаріи, не вслѣдствіе этого самолюбиваго и неразумнаго упорства, а скорѣе вслѣдствіе другаго, невиднаго, никѣмъ не замѣченнаго, но тѣмъ не менѣе весьма существеннаго обстоятельства: въ совѣтахъ Галданъ-Церыня не было Татарскаго элемента, какой прештествовать разумности дѣйствій Русской администраціи въ лицѣ цѣлой стаи переводчиковъ изъ Татаръ-магометанъ. Эти господа, какъ магометане, не могли быть искренно преданы Русскому правительству; имъ было не по душѣ, чтобы кѣфиры — Русскіе наказывали обратій ихъ, магометанъ-Кайсаковъ, хотя и за дѣло; вотъ эти переводчики, черезъ которыхъ велись всѣ сношенія съ Кайсаками, которые во всѣхъ совѣщаніяхъ администраціи участвовали какъ эксперты, безъ которыхъ ничего не предпринималось, не дѣлалось, эти переводчики-то, кажется, и пустили въ ходъ систему кротости и снисходительности *quand même*; они-то, сдается намъ, и выдумали небывалую опасность «раздражить». Совѣты подобныхъ

совѣтниковъ, нѣтъ сомнѣнія, послужили и къ гибели въ Хивѣ недалеяго умою князя Черкаскаго со всѣмъ ввѣреннымъ ему отрядомъ. Какъ бы то ни было, только снисходительностію къ Кайсакамъ, вслѣдствіе опасенія раздражить ихъ, Оренбургскія власти совершенно уронили достоинство свое въ ихъ глазахъ, и не принося тѣмъ никакой пользы Кайсакамъ, сильно вредили спокойствію и благосостоянію Русскаго населенія Оренбургской линіи.

Слѣдующее письмо посвящено будетъ мною обзорнѣю дальнѣйшей исторіи управленія Кайсаками до 1820-хъ годовъ, когда правительство Русское приняло наконецъ серьезныя и дѣйствительныя мѣры къ упроченію владычества своего надъ Кайсаками, и собственнаго благоденствія этого народа.

Султанъ Мендали Пираліевъ.

1 Мая 1862 г.

Урочище Тинтекъ-Соръ.